

В.П.Желиховская

Заморские чудеса

Дерево-вампир. – Семь чудес Кореи. – Вызыватели дождя и черная магия в Африке. – Канада невидимых пушек.

На Коромандельском берегу Ост-Индии, неподалеку от Мадраса, находится Адьяр, прелестный уголок, избранный обществом теософистов своей главной квартирой. Полковник Олкот¹, президент общества, купил несколько десятин плодородной земли между берегом Бенгальского залива и речкой Адьяркой; к первоначальным постройкам из темно-бронзовой, почти красной глины, которые эффектно ютятся среди роскошной тропической зелени, он прибавил поместительный двухэтажный дом с залами для заседаний во время многочисленных ежегодных съездов членов своей корпорации; с широкими верандами и террасами, с которых открывается богатейший вид на окрестности и на безбрежный океан. Он сам живет там постоянно, когда не находится в разъездах по Индии, в Европе или на Цейлоне, которые посещает ежегодно.

В декабре, во время общего съезда в Адьяре представителей разнородных ветвей общества, там бывает замечательная «смесь одежд и лиц, племен, наречий, состояний» – и, помимо специальных заседаний, трактующих о делах и вещах, собственно касающихся теософов и их учения, там происходят сцены, ведутся речи, достойные замечания. Не диво! Туда временно стекаются люди со всех концов земного шара!.. Профессора из Оксфорда и Кембриджа там состязаются с учеными браминами из-под Гималаев, буддисты из Японии и Цейлона встречаются с единоверцами из-за Тибета; увлекающийся психиатр из Сальпетриера² вступает в прения с убежденным ок[к]ультистом Соединенных Штатов, а темнокожий перувианец³ или мексиканец, поселясь в гостеприимном Адьяре, проводят неделю-другую бок о бок с белобрысыми представителями европейского севера.

В один из последних съездов после делового заседания в чудно цветистый вечер представитель общества Олкот, красивый человек, белобородый патриарх по виду, просил некоторых гостей остаться посидеть с ним на террасе – собственно плоской крыше нижнего, одноэтажного помещения, на которую выходят двери библиотеки из нижнего этажа. Вечер был до того яркий, тихий и ароматный, что жаль было бы им не воспользоваться!

На террасу подали чай; разноплеменные гости полковника, американца по происхождению, но по внешности величавого буддистского первосвященника, соединились в одну живописную группу, освещаемую бриллиантовой, *поистине* бриллиантовой луною Индии, и потекли разговоры, разнообразные рассказы, преимущественно мистического характера.

Начал первый волшебный рассказ маленький желтолицый японец, несмотря на свой европейский костюм, не похожий на цивилизованного человека – нервный, живой, вертлявый. Он излагал не как простой рассказчик, а как балаганный актер, не пренебрегая самыми

Статья публикуется по: Новости и биржевая газета, 1891, №57, 26 февраля; №63, 4 марта.

Написана по материалам статей: «The Vampire Tree; or, The Suicide's Old Pine, a true tale of modern Yedo (Tokio)» («Дерево-вампир, или самоубийства возле старой сосны: истинная история современного Иедо (Токио)» (Lucifer, 1888, т. II, август, с. 463–464), которая подписана «Omori Fu-so-no Fumi Nito»; «The Seven Wonders of Corea» («Семь чудес Кореи») (Lucifer, 1890, т. VII, ноябрь, с. 237), которая подписана «F.L.G.»; «African Magic» («Африканская магия») (Lucifer, 1890, т. VII, ноябрь, с. 231–235), которая подписана «Tau-Triadelta» и автором которой является Е.П.Блаватская; «The Barisal Gun» («Барисальская пушка») (Lucifer, 1890, т. VI, июнь, с. 287–291), написанная Г.С.Олькоттом.

Подготовка текста и комментарии А.Д.Тюрикова.

¹ Олкотт Генри Стил (1832–1907) – американский юрист, журналист, писатель, издатель, один из основателей и первый президент Теософского общества.

² Сальпетриер – больница в Париже.

³ перуанец (*англ.* Peruvian).

оригинальными демонстрациями – гримасами, жестами, движениями – до криков, слез и падений на землю.

Его слушали человек десять – всех наций. Тут, кроме хозяина, был англичанин-литератор, нещадно истреблявший папиросы; сановитый брамин в белой чалме и мантии; толстый магометанин-индус, невозмутимо бурливший кальяном; еще один старик полуангличанин, полуегиптянин в феске, всю жизнь почти проживший в Африке; один молодой ирландец, только что прибывший из Европы на англо-индийскую службу⁴, и – что всего удивительнее – две дамы: жена ирландца, русская женщина⁵, и полуславянка, полунемка баронесса Кр...с, натурализованная британка, приехавшая из Лондона нарочно, чтобы познакомиться с Адьяром и его обитателями, и несколько других.

Японец рассказывал самые удивительные вещи о воскресавших умерших, о каком-то их буддистском первосвященнике, рожденном будто бы *в могиле* заживо похороненной женщиной; тотчас же по рождении ребенка она умерла и явилась в дом кладбищенского священника возвестить о случившемся и спасти своего сына. Она повела его «как живая» на свою могилу и – там исчезла; священник, услышав под землей детский крик, раскопал ее и унес ребенка, впоследствии ставшего известным духовным лицом в Иеддо⁶.

Этих рассказов маленького японца некому было проверить; но в истине его повествования о «*дереве-вампире*» никто не усумнился⁷, так как тут же нашлись свидетели, бывавшие в Японии и его подтвердившие.

Это удивительное, мрачной репутации дерево растет в Токио – новейшей части Иеддо – недалеко от британского консульства, в конце моста, ведущего из города в крепость. Это род южной хвои, так называемая японская сосна, громадных размеров и незапамятной древности. Растет она на краю очень глубокого рва, полного воды, окружающего цитадель, так что часть ее ветвей висит над пространством.

По внешности оно замечательно тем, что его громадные, узловатые, почти голые ветви навиваются самыми страшными контурами. Когда тухнет небосклон или светит луна, то на оранжевом или серебристом фоне горизонта они положительно смотрят живыми, гигантскими змеями, разбросавшимися во все стороны, ища добычу, готовые, при виде ее, развиться и наброситься сверху на свою жертву...

И так оно и есть, утверждает народ: горе неосмотрительному, который приблизится к ним. Наутро его грешное тело найдут болтающимся на собственном поясе над рвом, если не просто мертвым у подножия громадного дерева.

Вековая молва о таинственных свойствах сосны подтверждается ежегодно несколькими самоубийствами, из которых многие бывают необъяснимы. В Японии самоубийство, в особенности чрез повешение, вещь довольно обыкновенная; но, разумеется, как и везде, такого рода драмы находят объяснение в несчастиях, доказывающих более или менее, что жизнь была тяжела наложившим на себя руки. Необычное же свойство «сосны самоубийц» или «вампира», как

⁴ Джонстон Чарльз (1867–1931) – ирландский санскритолог, востоковед и теософ.

⁵ Джонстон Вера Владимировна (ок. 1862–1921) – дочь В.П.Желиховской, жена Ч.Джонстона, писательница. Ч.Джонстон и В.В.Джонстон с ноября 1888 по июнь 1890 г. находились в Индии.

«Завтра начинается теозофическая конвенция. Наезжает чернюков с каждым поездом со всех сторон. Рядом с нами все комнаты заняты. Они там все спят без кроватей на циновках, которыми устлан пол. Храпят по ночам, кашляют и бедному Чарли покоя не дают. У него сон очень чуткий» (Из письма В.В.Джонстон В.П.Желиховской. Адьяр, 26 декабря 1888 г. // ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 70а. Л. 19); «Третьего дня окончилась теозофская конвенция. Народу наехала масса. Такой был шум, что беда. Читали целые три дня лекции, отчеты, адреса, произносили речи, кашляли, храпели, а какие-то неугомонные и по ночам еще толковали под нашими дверями, так что Чарли, который свирепеет, если его друг разбудить, выходил, нацепив мой пен[ь]юар со шлейфом, чтобы их уgomонить. Если бы еще они говорили по-человечески, а то орут, как кинтошки в Тифлисе, впрямь восточные человечки» (Из письма В.В.Джонстон В.П.Желиховской. Адьяр, 31 декабря 1888 г. // ГАРФ, ф. 5972, оп. 1, д. 70а. Л. 22).

Кинто – продавец фруктов.

⁶ Иедо (англ. Edo Jedo, Yedo, Yeddo) – старое название Токио.

⁷ усумнился (устар.).

зовут в народе это дерево, именно тем и замечательно, что под ним находят смерть люди вполне довольные судьбою, всего чаще счастливые любовники...

Много сложилось легенд об этом дереве, о причине его озлобления на людское счастье. Народ убежден, что оно возникло вследствие разрушения при постройке крепости когда-то возвышавшегося на этой скале алтаря в честь божества, покровительствовавшего прежде жителям Токио. Оно удалилось оскорбленное, но вместо себя направило жильцами на мрачное дерево всех зловредных людям гхули⁸ – злобных духов-вампиров, поддерживающих свое существование поглощением чужих жизней... К счастью, они безвластны распространять свои чары вне пределов тени дерева... Их постоянные усилия распространить район своего магического влияния и придают ветвям сосны странные извивы, которые делают их сходными с отчаянно простертыми руками или с чудовищами, вздымающимися на противника.

– Оно так и есть! – уверял японец. – Иначе как объяснить странные факты, то и дело свершающиеся под ними и на них?.. Уж я не говорю о вешающихся на них якобы произвольно; не говорю о множестве преступлений, которые то и дело совершаются в их районе; но откуда же и как нисходит смерть на беспечно не помышляющих о ней счастливых, которые, нечаянно забредя в район притягательной силы «вампира», оказываются под ним мертвые – без малейших к тому причин... Даже без следов какого бы то ни было недуга или насилия?..

– Неужели бывали и такие случаи?

– Бывали, и не раз!.. Еще недавно так погибли дочь богатейшего в Иеддо купца и жених ее. Они вышли пройтись в прекрасный вечер и не возвратились, а на утро оказались мертвыми в объятиях друг друга под низко опущенной на них ветвью... И надо знать, что всем было ведомо, что громадная ветвь эта засыхала, почти засохла; а тут вдруг в одну ночь в ней проявилось столько жизни, что вся она покрылась свежими иглами.

– Так, значит, жизнь гхули связана с жизнью самого дерева? – спросил кто-то из слушателей.

– О, непременно! Они в нем и им питаются.

– Так почему же не срубить эту ужасную сосну?

– Об этом много раз заходила речь; но этому противились не только в народе, но и в самых высших сферах, – отвечал японец. – Существует убеждение, что самовольное уничтожение этого убежища зловредных гхули позволит им распространиться всюду, и тогда уж никто, нигде не будет огражден от опасности. Тогда как теперь стоит только помнить, что к нему нельзя подходить безнаказанно...

– Неужели и среди белого дня есть опасность?

– Да, есть. Близость его набрасывает чары, неодолимо влекущие к нему человека; а раз кто-либо попал под их силу, в нем развивается непреодолимое желание смерти.

Русская молодая женщина, жена ирландца, заметила, что едва ли такое желание могло пробудиться в сердцах жениха и невесты, которых счастье, казалось, обеспечено.

– Да, – согласился японец, – но на таких неподатливых субъектах у дерева-вампира имеются, без сомнения, другие средства. В особенности, если они приблизятся к нему под прикрытием ночных теней...

– Какое же? – спросила баронесса К.

Японец посмотрел на молодую даму внимательным, долгим, внушительным взглядом, медленно приподнял и вытянул к ней свои сухие, желто-бурые руки, скрючив пальцы граблей, и вдруг неожиданно надвинулся на нее так быстро, точно хотел схватить ее в когти, как хищник зазевавшуюся птичку.

Движение было так внезапно и жест так угрожающе выразителен, что обе женщины, сидевшие рядом, вздрогнули и подались назад. Баронесса даже вскрикнула в испуге. Остальные слушатели и сам желтолицый рассказчик добродушно расхохотались.

– Неужели кто-нибудь это видел?

Японец кивнул головой.

⁸ Гуль, гул (*англ.* Ghoul) – мифическое существо и фольклорный персонаж, оборотень в арабской, персидской и тюркской мифологии.

– Говорят, не один... Я сам знаю одного очень почтенного ученого, который рассказывал мне прешрашную историю. Как-то раз ему не спалось в ясную, лунную ночь. Наблюдал он в подзорную трубу, наблюдал, да и устал наблюдать небеса. Дай, думает, погляжу, что на земле у соседей делается? И навел, совсем нечаянно, подзорную трубу в ту сторону, где на чистом горизонте ясно вырезался силуэт «вампира» с его черными, мохнатыми ветвями-лапами, разбросанными по всем направлениям. Навел – и хоть сам не рад, а уж не мог глаз отвести от очарованного дерева... Ну, и видал...

– Что ж он видал? – нетерпеливо крикнула ему нервная баронесса.

– Видал – все! – внушительно понизив голос, ответил японец. – Видал, как мимо шел юноша...

– Ночью он рассмотрел, что это был юноша?! – скептически прервали рассказчика.

– Да, – по походке! – невозмутимо продолжал японец. – Шел он тихо, беспечно напевая...

– И напев его ученый ваш слышал?

– Вероятно. Ночь была тихая, а дерево не очень далеко отстояло от дома ученого астронома. Вот бедный юноша, вероятно, чужеземец, не знавший ничего, идет, напевая, любуясь ночью, любуясь, вероятно, своим могучим палачом, уже наметившим его, уже протягивавшим к нему навстречу свои беспощадные, черные лапы. Как вдруг, незаметно вступая в роковой, очарованный круг, молодой человек сначала зашатался, простер руки вперед, будто ограждая себя против чего-то, но, пересиленный, вдруг круто повернул и пошел по прямому направлению к дереву, все быстрее и быстрее, словно втягиваемый неотразимой силой – пошел прямо к своей гибели! Едва он достиг сени⁹ сосны, манившие его ветви склонились над ним, подобрали его, увлекли, сжали в своих мертвящих, безжалостных объятиях и живой, зеленой могилой сокрыли тело его, чтобы выпить из него жизнь и насытиться его силами. Вот что видал мой ученый знакомый! – заключил японец и добродушно прибавил. – Правда, что недели через две его свезли в сумасшедший дом, признав в нем внезапное помешательство.

– Да?.. Вот как!.. Не компетентный же очевидец ваш астроном! – засмеялись слушатели. – А сами вы что-нибудь в таком роде видели?

– Нет... Не могу сказать. Собственно, я не бывал свидетелем трагедий у дерева самоубийц, я всегда его далеко избегал, однако, издали много раз ужасался его размерам и уродливости его вывернутых ветвей... Да надо только послушать, хоть раз, жалобные стоны и вой, и протяжные вздохи, и отчаянные вопли, которые при малейшем ветре раздаются в этом ужасном дереве, чтобы поверить, что на самом деле оно не простое дерево, а вампир, поглотивший много жизней, свершивший тысячи преступлений... Наш народ глубоко верит в то, что это плачут загубленные им жертвы или поют голодные гхули, требуя новых жертв!

Японец умолк, довольный впечатлением, произведенным его рассказом. Несколько секунд никто не прерывал молчания... В глубокой тиши серебряной, прозрачной ночи слышались только мерный гул валов, прибой океана да по временам бурлил и пыхтел кальян толстого мусульманина.

Хозяин дома первый возвысил голос.

– Да! – сказал он, поглаживая свою величественную бороду. – Ваша Япония удивительная страна во многих отношениях. Такое множество у вас чудесных верований и таинственных преданий!.. Вы нация прирожденных ок[к]ультистов и еще долго – вероятно, навсегда – останетесь верны древним воззрениям, сколько бы у вас ни работали иезуиты и как бы сами вы ни поступались верованиями отцов ваших в малодушных уступках так называемой «европейской цивилизации»...

– Европейского неверия, европейского материализма, хотите вы сказать? – заметил величавый брамин, все время слушавший, безмолвно созерцая чудную ночь, светозарное движение океана, приливавшего широкими, мерными, серебристыми разбегами волн на берег и отливавшегося тихим, таинственным шепотом.

⁹ тени (устар.).

– О, да, да! – закивал своей высокой, черной клеенчатой митрой, оскаливая зубы в широкой улыбке, его сосед, темнокожий парси из Бомбея. – Именно, материализм!.. Наши бедные дети и юношество погибают из-за этой западной заразы!

– Почему же она на них действует так сильно?

– Потому что влияние европейской науки отталкивает молодежь, особенно учащуюся вне отечества в университетах, от родных верований, а новых им не прививает, – серьезно возразил брамин. – А здесь, в христианских школах, что делается?.. Католические и протестантские миссионеры только себя и свои правительства утешают воображаемыми успехами. На деле они успевают не в просвещении детей Индии, Цейлона или Японии учением Христа, а лишь в уничтожении в них всякой религии, всяких духовных верований... Против обращения их в христианство восстают их семьи, родители их, вся обстановка, весь дух их родной жизни, – как хотите назовите эти всемогущие преграды: фанатизмом ли, обычаями, убеждением, всосанным с молоком матери, – все равно! А патеры, католики ли или протестанты, усердно убивают в детях эти прирожденные верования, а новых им не дают.

– Однако мне кажется, – заметила баронесса, – что верование в бессмертие духа и в преобладание его над плотью присуще людям как на Востоке, так и у нас, на Западе...

– Людям! – прервал ее полковник. – Прибавьте – людям додумавшимся, развитым. В юношестве же, а тем более в детях, ничего нет легче, как поколебать верование в то, что не может быть продемонстрировано наглядно...

Присутствовавший здесь *пандит*, ученый из местных *бабу* (землевладельцев), прервал общие, отвлеченные речи замечанием, что на Востоке духовные основы человечества, его основные верования труднее поколебать, чем в Европе, потому что на Западе метафизические понимания не так легко воспринимаются, как в странах древних, первобытных цивилизаций, где просвещенные люди привычнее к философским выводам и к психическим явлениям.

– Все те явления, которым в последние годы Европа удивляется как новинкам, – для нас стары, как мир, и спорного вопроса никогда не представляли! – заключил он.

Завязался длинный спор по поводу явлений ясновидения, гипнотизма и спиритизма...

Русская молодая женщина, которой все подобные прения, обычные в этой своеобразной среде, успели прискучить, отошла к другому краю террасы, где муж ее продолжал расспрашивать японца о чудесах его родины. К ним вскоре присоединился еще один желтолицый член этого разношерстного общества, прирожденный житель Корейского полуострова. Он вступил в словесное состязание с обывателем Иеддо, доказывая ему, что его «дерево-вампира» – сущий пустяк, медного гроша не стоящий сравнительно с «чудесами» его родины.

– Кто в Корее не бывал, настоящих чудес не видывал! – сказал он. – Недаром она называется в народе «*страной семи чудес*»!

– Именно семи?.. Какие же это семь чудес? – спросили его.

Кореец рассказал охотно, с великим апломбом, предлагая слушателям проверить его показания всевозможными справками и печатными отчетами...

Первое чудо, рассказывал он, целебный источник возле Кин-Шантао, до того действительный, что в водах его купаются ежедневно тысячи больных, и на памяти народа не бывало еще случая, чтобы он не принес немедленной помощи. *Каков бы ни был недуг больного*, – раз он нырнет, раз погрузится в его спасительные воды – он исцелен!.. Исцелен мгновенно и радикально.

Второе чудо – также источник, *переливающийся периодически*, с пунктуальностью раз навсегда заведенной машины, так что когда переполнен один его конец, то другой совершенно мелеет и пересыхает. Ключи этого подземного источника бьют на земную поверхность с двух противоположных¹⁰ концов полуострова; течение его скрытно проходит под ним. Что он один и тот же явствует, во-первых, из того, что восполнение одного ключа всегда соответствует

¹⁰ противоположных (*устар.*).

осушению другого; во-вторых, из совершенно особого, сладкого, удивительно приятного вкуса воды, в которой все в ней варимое приобретает аромат и вкус особенной нежности и свежести.

Третье корейское диво – «*Пещера холодного ветра*». Она совсем не сквозная, и никаких отверстий в ней не заметно; но в самый жаркий день, едва вы в нее вступите, вас охватывает сильный, ледяной сквозняк, пронизывающий холодом до костей. Порою он бывает до того силен, что сбивает с ног самых крепких людей.

Четвертое – «*Невырубаемый лес*». Его вернее было бы назвать неистощимым, потому что его рубят неустанно; но едва вырубят дерево, – обрубленный ствол его или ростки из него подымаются не по дням, а по часам и растут с такою силою, что истребить лес невозможно.

Пятое диво – противоположное плодovitости леса – свойство известной местности, вообще чрезвычайно плодородной, но на шесть сажень¹¹ вокруг храма, на ней построенного, совершенно бесплодной. Сколько ни старались вблизи от этого древнего храма вырастить дерево или хоть какое-нибудь растение, – ни травки, ни цветка, ни былинки не произрастает на этом клочке, *по исследованиям, плодородного чернозема!*.. Точно так же не гнездится на нем ничто живое, птица не вьет гнезда, муравей не пророев жилища, паук не совет паутины. Кроме жреца, охраняющего святыню храма, да пришлых богомольцев, пришедших на поклонение ей, – все живое минует этот «священный пустырь», боясь осквернить его невольным грехом. Дело в том, что когда-то здесь проходивший Будда, удрученный тяготами мирских грехов и страданий, уронил на это место каплю священного пота... Она хранится и поныне в том храме и составляет его великую святыню.

Шестое чудо Кореи составляет «*Горячий камень*». На верхушке холма есть скала, которая круглый год тепла, как хорошо натопленная печь. На ней, понятно, не держится снег, быстро пересыхает дождь и вокруг нее самая богатая растительность. Ради путников, мимо нее проходящих, – лежит она у большой дороги, – на ней выстроили заезжий дом, который в печах не нуждается. Проезжие и прохожие здесь могут отдыхать и даром в самую суровую зиму пользоваться благодетельным теплом.

Наконец, седьмое, самое дивное диво – также состоит в камне, но не столь полезном, как первый. Это так называемый воздушный, «*парящий камень*», – *держатся на воздухе*... В честь этого изумительного дива природы воздвигнут храм Фу-Ших-Миао. Камень состоит из почти кубической, натуральной глыбы гранита и с первого взгляда ничего не представляет особенного. Перед входом во храм на земле лежит большущий гранитный куб... Но все чудо в том, что если двое людей возьмут концы бечевки в руки и, став по обе стороны его, подведут бечевку под камень, *то она свободно пройдет под ним*, невозбранно двигаясь между землей и глыбой гранита.

– Ну, милый друг! – сказали слушатели рассказчику-корейцу. – Согласитесь, что если вы не все это сочинили, то, по крайней мере, очень сильно прикрасили ваши отечественные диковинки.

– Отнюдь! Нимало!.. Я говорил одну правду, и вот вам доказательство, – отнекивался тот и вынул из кармана потертый листок английского журнала «*Family Herald*», где неверующие, действительно, прочли подтверждение его рассказа под внушительным заглавием: «*The seven wonders of Korea*» («*Семь чудес Кореи*»).

В то же время между остальными гостями полковника Олкота происходил оживленный разговор о разнице между магией и чародейством; между *магами* – высоконравственными мудрецами, хранителями первосозданных истин; ведунами, располагающими многими тайнами и силами природы на благо и пользу человечества, и их вечными врагами – *чародеями*, пользующимися услугами злых, темных начал для злых деяний, но зато не повелевающими духами зла, но сами им, в конце концов, покорными.

Магия, поясняли более сведущие иерофанты неопитам, *белая магия* – нечто иное, как знание некоторых сил и свойств природы, сокрытых от не посвященного во все ее тайны; сил природы вполне натуральных и законных, [с] помощью которых избранные, имеющие к ним ключ, творят иногда деяния, которые могут казаться невеждам «*противоестественными чудесами*»... Но противоестественного ничего нет и быть не может, так как ни один закон естества никогда, ни в

¹¹ Сажень – старорусская единица измерения расстояния, равная 2,13 м.

чем, ни на один миг нарушен быть не мог!.. Нет чудес, в смысле нарушения незыблемых законов мироздания и духа человеческого, но есть, всегда были и будут магические деяния, основанные на различных началах, на различных учениях. Главнейшие из этих тайных учений, на которых основаны все остальные разветвления ок[к]ультизма – белой магии собственно, – учения индусское, тибетское, египетское. Цели и действия их последователей часто благотворны и всегда безопасны для человечества и свидетелей творимых ими феноменов. Истинный маг – Махатма, или Ритчи¹², или Радж-йог, – как называют их в Индии, – не будет творить ничего без благой цели; никогда не проявит своих сил и знаний без нужды и, разумеется, никогда ими не воспользуется корысти ради. Есть низший сорт не благих, а лишь безвредных проявителей чар белой магии: это те довольно многочисленные переходные факиры, которые удивляют население Индии и в особенности путешественников, показывая им «чудеса» наваждений: рост небывалых деревьев, появление младенцев, ими убиваемых, или исчезающих в пространстве зверей, которых совсем в действительности здесь нет. Но те просто гипнотизеры, силой своих месмерических способностей наводящие *майю*, иллюзию зрения и слуха на своих зрителей, и за то взимающие с них посильную плату. У тех – это ремесло, средство существования...

Не так безвредны последователи нечистой, черной магии. Космополит в феске, долго проживавший в Африке, рассказал о них страшные, отвратительные вещи, будто бы им самим виденные.

Колдуны и заклинатели, виденные им в стране вууду¹³ и племени обейя¹⁴, принадлежали, по мнению знатоков, к самым сильным и зловредным чародеям, действующим на основах *черной магии*, пользующихся временными услугами своих будущих властелинов, духов тьмы.

– Философия и власть магов требуют полной нравственной чистоты жизни, величайшего альтруизма и добродетели не отвлеченной, а постоянно проявляющейся на деле всевозможными добрыми делами и помощью страждущему человечеству, – пояснял полковник Олкот. – Некромант, напротив, чтобы достигнуть своей черной силы, *обязан быть преступником* против всех законов нравственности и человечности. Наименьшее, начальное его или ее (потому что в Африке женщин-колдуний больше, чем мужчин) злодеяние должно быть человекоубийство: человеческая жертва – необходимая принадлежность посвящения в чародейство.

Африканец подтвердил, что трудно даже представить себе, какие злодеяния, какие несказанные жестокости свершаются женщинами-колдуньями вууду или обейянками...

– Я слышал о них ужасы! – говорил он. – Но те некроманты, которых я видал на западном берегу Африки, были мужчины, старик и молодой парень, в полном цвете сил из так называемых «*вызывателей дождя*». Вы, быть может, не знаете, что *дождевые мастера* имеются обязательно в штате каждого маленького королька в среде чернокожих племен Африки?.. Европейцы, разумеется, игнорируют и смеются над этой повсеместно там признанной профессией; но она, тем не менее, процветает и действует невозбранно, по нужде вызывая вихри, грозы и ливни. Я сам это видал и могу говорить как очевидец, презирая пустые опровержения скептиков.

Всем ведомо, что нет хуже бедствия в жарких странах, как бездождье; но когда засуха проявляется в сезон дождей и в таких местностях, как Центральная и Западная Африка, которые только и живы, что этими благотворными периодическими ливнями, – это не более, не менее как смертный приговор всему, на них живущему... Такое бедствие, именно, случилось на обейянской территории во время моего там пребывания. Мокрый сезон по времени года давно наступил, а дождя не только не было, но никогда беспощадное солнце не палило так горячо с упорно безоблачного неба. Сначала высохли все злаки, все посевы и растительность; потом стали падать животные от недостатка воды: скот приходилось бить на пищу, чтобы он не дох и не распространял заразы; потом начались эпидемии, женщины и дети мерли сотнями. Воды

¹² Риши.

¹³ Вуду (*англ.* Vodou, Voodoo) – традиционная африканская религия на территории некоторых стран, расположенных в Западной Африке.

¹⁴ Obeah, Obi, Obea, Obia – народная магия, колдовство и религиозные практики в Западной Африке. В статье Е.П.Блаватской «Африканская магия» этот термин пишется, как «Obeyan».

окончательно не стало даже для питья королю... Вокруг него воины валились от истощения и жажды...

Тогда он спохватился и приказал призвать вызывателей дождей. Гонцы немедленно были посланы во все стороны на разведки об одном известном в этом деле мастере, и дня через три он, маленький, чахлый, кривоногий старикашка, весь, поверх черной кожи, обросший каким-то седым пухом, и его молодой помощник были привезены пред царские очи.

Надо знать, что африканские властелины ни оправданий в невозможности свершить их волю, ни смягчающих обстоятельств – не допускают. Заклинатели хлябей небесных превосходно знали, что должны были дать дождь или принять смерть... Громкий барабанный бой возвестил населению о желанном наступлении спасения; на привычные звуки его все население сбежалось на военное поле; воины, вооруженные, как на бой, составили круг, в центре которого стали король, а перед ним знаменитые дождевызыватели. Несмотря на раннее утро, раскаленная, растрескавшаяся земля и безоблачное, сверкавшее небо дышали жаром. На искаженные страданиями черные лица, на блиставшие ожиданием и решимостью глаза дикарей было страшно смотреть! Было ясно, что лютые муки и смерть предостоят вызывателям в случае неудачи... Но они были спокойны, сосредоточены и уверены в своем деле. Они приблизились, положили руки друг другу на плечи и начали мерное, круговоротное движение – шаг вперед, влево из круга, шаг назад, вправо, в более сжатый круг, так что из их движений выходила звезда; они подпевали в размер каждому шагу, сначала тихо и медленно, потом громче и скорее, сообразуя напев своих заклинаний в такт движений, постепенно ускоряя и то, и другое и возвышая голос по мере ускорения ритма, пока, наконец, они не перешли в раздирающие душу вопли, а сами они в неистовом, бешеном вращении не слились для нас, зрителей, в какое-то переливающееся, неопределенное пятно, в котором нельзя было разобрать ни рук, ни ног, ни лиц...

Неожиданно сразу песнь оборвалась... Старик лежал на земле и бился в конвульсиях, а молодой атлет стоял в ногах его на одном колене, забросив голову назад, неподвижно вытянув руку вертикально вверх над головою и вперив налитые кровью глаза туда же, в медно-красное небо, с таким угрожающим, требовательным выражением, что жутко было его видеть...

Все глаза обратились туда же, но в глубине беспощадных небес ничего не было еще видно.

Но вот, мне показалось, что оно на самом зените темнеет... Да, оно положительно темнело! В самой середине небесного свода образовывалось пятно, которое росло и сгущалось, с угрожающей быстротою, на наших глазах. В несколько секунд все вокруг потемнело, солнечный свет погас, а из середины, словно с горных высот спавшей тучи, на наши головы грянул оглушительный удар грома вместе с блеском молнии, озарившим все синеватым огнем. Еще миг – и туча разразилась ливнем!.. Бесперывные потоки, промолившие землю до самых недр ее, лились два дня и две ночи, не ослабевая с той минуты, как гром небесный был заглушен восторженными криками ликовавшей толпы...

Заклинателей осыпали подарками, хвалой, угощениями. Король, отпустив их с миром, пригласил меня на пир, в котором *вода* лилась рекою и, уверяю вас, что она всем нам тогда была милей и дороже потоков вина. На радостях я просил его разрешения побеседовать с колдунами, и под ливнем, какого никогда еще не принимал на свою грешную спину, направился с данными им мне проводниками-охранителями в шалаш, предоставленный им. Более суток провел я в их обществе и на всю жизнь не забуду того, что творили предо мной эти негры.

Старший был обей[ян]ец, младший – его ученик и товарищ – из племени зузу¹⁵, громадного роста человек с мрачно нахмуренным лицом, густой шапкой черных, взбитых войлоком волос, с мускулистым, сильным, татуированным телом и громадным ртом с толстыми, развисшими губами. На вкус своих соотечественниц – идеальный красавец! Он все молчал, и если бы не приказание старшего, ничего не сделал бы для меня. Кривоногий старикашка был сговорчивее... Вид моих золотых делал его еще общительнее; им и ему я обязан изумительнейшим зрелищем когда-либо мною виденным.

¹⁵ сусу (англ. Susu, Soussou).

Шатер, где мы провели эту сказочную ночь, был крепко выстроен из бревен, вбитых в землю и крытых остроконечной тростниковой крышей с отверстием сверху, прикрытым высоко второю крышей, – отверстием, служившим и для света, и для пропуска из шалаша дыма. В середине этого сарая был разложен большой костер, который ярко освещал его изнутри, так что все было видно, как днем, до мельчайших подробностей. По моей просьбе показать мне образчики их искусства по другим отраслям некромантии, они тихо переговорили между собой, потом сели на корточки и затянули долгий, монотонный напев, закрыв глаза и раскачиваясь с носков на пятки. Их черные, характерные силуэты – дряблая фигурка старика, скрюченного в вопросительный знак, и громадный торс молодого – резко вырезывались на фоне пламени. Прошло несколько минут... Если бы не удостоверение моего хронометра, они показались бы мне часом. Вдруг... я протер глаза, не веря их свидетельству! Молодой атлет медленно выпрямился, казалось, вырастая и *развертываясь* в длину без всякого видимого со своей стороны усилия, и, встав, продолжал уходить вверх... Медленно отделяясь от земли, *он витал на воздухе*, то повышаясь, то опускаясь в самом непринужденном вертикальном положении то в двух, то в трех футах¹⁶ от пола...

Я встал и подошел пощупать воздух под его ногами, осязанием удостовериться, что зрение меня не обманывает. Нет! Оно меня не обманывало. Не обмануло оно меня и тогда, когда негр, витая, приблизился к бревенчатой стене шалаша и чрез нее прошел... Прошел беспрепятственно и исчез.

Как сумасшедший бросился я к выходу под потоки дождя посмотреть: там ли мой *воздушный зузу*?.. Я увидел его громадную фигуру, – вернее, его сиявший во мраке ночи облик... Он мне представился, как бы тело его было натерто фосфором; высоко над землею поднялось оно и исчезло за сетью ливня. Тогда я вновь бросился в шалаш, надеясь, что это была моя собственная галлюцинация, – что я найду там обоих негров, но нет – у огня скрючился только один старик.

Все еще не доверяя себе, я начал стучать и тщательно оглядывать ту стену, чрез которую зузу исчез, когда вдруг его образ появился *сверху*, чрез противоположную стену шалаша, и плавно спустившись, он сел рядом с своим товарищем. Онемев, я смотрел в недоумении на его спину, лоснившуюся от дождя, на обрывки лохмотьев, прикрывавших его ниже пояса, с которых вода положительно лила ручьями на пол шалаша.

Вслед за тем и старик поднялся точно также под самую крышу и несколько раз на моих глазах исчезал за стеной и появлялся обратно, каждый раз промокший, истекая струями дождя.

Ужасно было последнее явление этой ночи. Оно началось с медленного верчения их вокруг костра – двойного верчения: по кругу и волчкообразного вкруг самих себя. Оно так же, как и при заклинании дождя, сопровождалось однообразным напевом, все ускорявшимся заодно с верчением и с усилением голосов, наконец, достигших оглушительного завывания. Тогда эти люди стали себя ударять по спине, по бокам, по рукам двумя ножами, которых я прежде не замечал у них, и чрез минуту буквально истекали кровью...

Младший дольше кружился и резал себя; старик успел передохнуть, и едва тот упал без чувств, он подскочил к нему и, присев на корточки, теми же ножами, которыми они себя изранили, он осторожно смазал ему раны какой-то очень не благовонной мазью, растер ее ладонями и не более как через несколько минут тот приподнялся и, в свою очередь, оказал ту же услугу старику. Ран и следа не оставалось на их коже; если бы не кровь вокруг костра, я бы мог думать, что мне все это почудилось... Но следы крови на полу были видны и на другой день.

В ту ночь заклинатели более ничего не хотели делать; оба заснули, как убитые. Но на следующий день вещи, ими проделанные, были так отвратительны и, вместе с тем, оригинальны, что ничего подобного мне никогда более не удавалось видеть.

Разведя костер, они наметил треугольник, сами стали на двух концах, а меня поставили на третий и опять затянули свои заклинательные песни, только без танцев, а лишь делая над огнем руками какие-то кабалистические знаки. Чрез несколько мгновений из-под их рук стали подыматься из языков пламени головы змей, так называемых, тик-полонг[ов]¹⁷, очень ядовитых

¹⁶ Фут – единица измерения длины, равная 0,3048 м.

¹⁷ Цепочная гадюка, распространена в Южной и Юго-Восточной Азии.

пресмыкающихся. Не успел я сообразить этого нового дива, как дюжины змей, выползая из огня, уже свивались гирляндами вокруг костра и, взвиваясь на хвосты, заплясали адскую сарабанду, кружась и шипя, вертясь, как бешеные. По первому властному слову и жесту старика шипенье смолкло и змеи исчезли, бросаясь в самый жар костра.

Тогда-то и произошло самое отвратительное колдовство. Подошел ко мне атлет зузу, стал на колени и открыл рот... Представьте себе удивление мое и ужас, когда я увидел вместо языка торчавшую оттуда голову тик-полонги с высунутым, шипящим жалом!.. Он схватил ее, вытащил трехфунтовую змею и бросил в огонь. Но за ней показалась другая – и ту постигла одинаковая участь...

Быстро чередуясь, *семь змей* выползло из его горла и все были брошены в костер...

– На смерть и гибель! Так им и надо, мистер Тоу!.. – прервала одна из дам рассказ космополита.

Он себя называл Тоу-Триадельта¹⁸, но знавшие его в Англии и Индии предполагали, что это не настоящая его фамилия и называли сокращенно.

– Не думаю... Ведь ранее змеи выползали живыми из того же костра! – возразил он.

Между его слушателями, благодаря перерыву, поднялись толки: *действительно ли* было это явление? Или некроманты месмеризировали его зрение?.. Сам он утверждал, что змеи, вылезавшие из огня и изо рта зузу, были живые, реальные тик-полонги. Что он их видел, слышал, трогал и совершенно убежден в их действительности. Он рассказал еще, что по просьбе его «вызвать», – если они могут *вызывать*, – какую-нибудь тень, негры заставили появиться ее в образе человека. Они вызывали негра же, известного им при жизни человека, и сами страшно перепугались, когда их заклинания и пение заставили появиться над огнем совсем не их бывшего собрата, а величественную тень белого, седобородого старца с зиявшей на спине его смертельной раной... Он нарочно обошел костер, чтобы видеть и лучше запомнить это видение.

Общее мнение собрания решило, что это была тень европейца, убитого воровски, быть может, этими самыми неграми-чародеями. Иначе, если бы они его, действительно, не знали, откуда бы произошел тот испуг, который их обоих заставил «пасть ниц» пред грозною тенью «белого старца» и вслед за его появлением наотрез отказаться от волхвований, не прельщаясь более никакими наградами?..

Чудный вечер на адьярской террасе заключился еще рассказом полковника о весьма странном явлении, признанном в целом околотке, на пятьдесят верст в окружности, за факт, которому не находится объяснения.

В дельте Ганга, на берегах реки Бегхей, в окрестностях города Баризал¹⁹, с незапамятных времен слышна порою канонада. Выстрелы – положительно отдаленный гром пушек. Раздаются эти выстрелы в неопределенное время года и дня, в различные сроки и промежутки времени и с разных сторон горизонта. Все жители давно свыклись с этим странным явлением и уж не ищут ему причин с тех пор, как несколько научных комиссий напрасно исследовали окрестности и ни в атмосфере, ни в грунте земли, ни на поверхности ее – нигде не нашли разъяснения этим загадочным звукам. Они многим слышны, но никому непонятны!

Последние расследования были произведены в течение 1889 и 1890 годов по всему пространству дельты, где слышны так называемые «Баризальские пушки», семью делегатами Азиатского географического и метеорологического общества; более года прожили они в Баризале, Кульни²⁰, Могапуре²¹, Нарангайе²², Ноакхали²³, Гариспуле²⁴ и Давлате²⁵ – и не пришли

¹⁸ Тау-Триадельта (Tau-Triadelta).

¹⁹ Барисал (англ. Barisal).

²⁰ Кхулни (англ. Khulna).

²¹ Маяпуре (англ. Mayapur).

²² Нараянганже (англ. Narayanjanj).

совершенно ни к какому заключению, хотя явление много раз при них повторялось. Каждый из наблюдавших вел дневник своих наблюдений, и весьма странен оказался тот факт, что ни один в своих отчетах не согласовался с другими в указаниях времени этого явления: не только часы, но и дни, а в большинстве показаний и недели расходятся. Это указывает, что звуки эти не захватывают больших пространств, не расплываются вдаль, а раздаются отдельно, независимо друг от друга, на небольших расстояниях. Одно из многих предположений относительно происхождения их, а именно: гул прибора Бенгальского залива, – этим разбито. Точно так же в отчетах нет ни малейшего согласования в указаниях погоды; в сырую и ясную погоду, при полном безветрии и во время сильнейших вихрей, при ветрах с юга, севера, запада и востока, *вполне безразлично*, выстрелы гремели то здесь, то там, пугая своей силой только новичков; местные же жители, привыкшие к ним от рождения, не обращают на них внимания. Думали искать причин в электричестве; но опять в атмосферических явлениях ничто на это не указывает. До грозы, после грозы, во время грозы и в полное затишье, во время частых в дельте Ганга периодов полного спокойствия атмосферы, в сырые, туманные дни и во время жаркой засухи канонада гремит ни от чего, по-видимому, независимо, днем и ночью и во все четыре времени года, раздаваясь, учащаясь и смолкая на неравные периоды, сообразуясь лишь с прихотью своих агентов, невидимых и не поддающихся никакому человеческому соображению...

Одно время, когда звуки канонады согласовались со временем падения почвы в море, – вдоль рыхлых берегов Бенгальского берега в окрестностях Баризаля, – наблюдавшие за этим явлением изыскатели обрадовались: вот-де, простая разгадка! Падение земли и нарушенное движение валов производят этот гул. Но скоро и это предположение оказалось несостоятельным: показания времени падения наибольших глыб земли, записанные на месте, нисколько *не согласовались* с днями и часами, в которые «Баризальские пушки» гремели в разных пунктах дельты. Весьма странен также факт, что очень часто из двух путников, едущих рядом, один явственно слышит канонаду, другой ее совсем не слышит. Точно так же между жителями вышеназванных мест редко бывает согласие насчет расстояния и силы звуков: иные их слышат вблизи, другие издали, а некоторые и совсем в данное время не слышат, а изумляются им в одиночку, когда остальные перестают их слышать.

Полковник Олкот, упоминая о многих более или менее научных статьях, трактовавших об этом акустическом феномене, между прочим, указал на заявление калькуттской газеты «Statesman» (от 11-го января 1890 г.), что он не единственный в мире.

«Известно, – пишет эта газета, – что таинственный феномен пушечного гула слышен, кроме Баризаля, в нескольких уголках света: на некоторых островах Вест-Индии, а также и в Кохинхине²⁶. Только там, по заявлениям слышавших эти звуки, они более мелодичны, напоминают своим продолжительным гулом как бы отзвук *многих тысяч золотых арф*...» В своем отчете о пребывании на Моносе, острове неподалеку от Тринидада, Чарльз Кингслей²⁷ пространно говорит об изумлении, в которое его повергли эти необъяснимые выстрелы и их певучий гул... «Я, – говорит он, – сначала думал, что они происходят от волн океана, врывающихся в прибрежные пещеры, но скоро убедился, что мое предположение несостоятельно, потому что канонада раздавалась в те дни, когда полная тишь стояла в воздухе и на море не было ни малейшей зыби...» Купаясь в полное затишье в зеркальном океане, Чарльз Кингслей, пораженный вновь этим звуковым явлением, допрашивал о нем жителей Моноса, которые его приписывают так называемой *барабанной рыбе* (drum fish) – «мифическому созданию, на которое взваливают множество неопределенных и необъяснимых подводных явлений»...

²³ Англ. Noakhali.

²⁴ Харидаспуре (англ. Haridaspur).

²⁵ Даулате (англ. Daulat).

²⁶ Кохинхина (*фр.* Cochinchine) – принятое в исторической географии название юго-восточной части полуострова Индокитай.

²⁷ Кингсли Чарльз (Kingsley, 1819–1875) – священник, социальный реформатор, историк, писатель.

– Во время моего пребывания в Баризале, – рассказывал полковник, – я слышал «пушки» неоднократно. В первый раз я их принял за действительный залп артиллерийских орудий в расстоянии приблизительно мили; но потом различил, что они не сходны ни с каким когда-либо мной слышанным звуком; именно: по свойству их эха, гула, которым они сопровождаются. Что касается лично меня, я вполне убежден, что объяснения научного, в смысле европейской науки, основанной на материализме, ими не найдется. Это одно из многих явлений не нашего объективного мира... Потому-то «Баризальские пушки» не всеми одинаково и слышимы, что не все мы, люди века сего, одинаково восприимчивы к феноменам духовным, к видениям и звукам из мира акаши²⁸ – мира вековечного и непреходящего астрального света, где ни единая черта, ни единый звук не пропадают!.. Баризальский феномен, отголосок давно прошедшего события, который, как все, – жив и не умирает, но еще связан духовно с известными местностями, а потому в них повторяется... По-моему, и «невежественные туземцы» *могут* быть также не совсем неправы, относя этот акустический феномен к деяниям своих «деватов» – элементарных духов, которыми все переполнено и все мы невидимо окружены... Во всяком случае, я собираю все предания и мнения местных жителей, имея в виду вскоре поговорить о них с ок[к]ультической точки зрения.

Так закончил хозяин Адьяра свою речь, и вскоре все разошлись на покой. Терраса, залитая фосфорическим светом и ароматами тропической ночи, затихла и опустела... для материального слуха и зрения простых смертных. Для «одаренных *оком Рудры*²⁹ и аказным слухом» – она, может статься, была переполнена жизнью и движением... веселой пляской «деват» и «бхутов» и японских «гхули» под несмолкаемую мелодию «вечно звучащей музыки сфер» и гул «астральной» канонады?..

²⁸ акаши (*санскр.* ākāśa).

²⁹ Рудра – одно из имен Шивы.